

Три интервью об Аязе Гилязове

В прошлом году исполнилось 80 лет со дня рождения народного писателя Татарстана, лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького и Государственной премии РТ им. Г. Тукая Аяза Гилязова (1928–2002).

*«Нет большей удачи для автора, как выявить и богато раскрыть в образах психологию своей нации», – написал в рецензии на книгу своего старшего друга Рустем Кутуй. Произнесённые в разгар «перестройки» эти слова и сегодня как нельзя лучше подходят для определения творчества Аяза Гилязова. Отдавая дань уважения классику, мы публикуем интервью с людьми, близко знавшими Аяза Мирсаидовича при жизни: народным писателем республики, лауреатом Государственных премий **Туфаном Миннуллин**ым, лауреатом Государственной премии РТ им. Г. Тукая **Рабитом Батулло**й, доктором исторических наук, деканом факультета татарской филологии и истории КГУ **Искандером Гилязовым***

Туфан Миннуллин:

«За его плечами была большая школа жизни»

– Туфан Абдуллович, при каких обстоятельствах произошло ваше знакомство с Аязом Гилязовым?

– Я познакомился с ним ещё будучи актёром. В 1961 году, через несколько месяцев после окончания Московского театрального училища имени М.С. Щепкина, мне довелось играть в пьесе Аяза Гилязова «Осенние ветры». Уже тогда начал пробовать силы в драматургии – хотелось создать в татарском театре собственный мир, не похожий на тот, что я играл на сцене. Естественно, как начинающий драматург, я привлёк внимание уже состоявшихся авторов. В те годы

заслуженной любовью татарского зрителя пользовалось творчество Шарифа Хусаинова, Хая Вахита, Аяза Гилязова... Эти люди приняли меня в свою среду, оказали поддержку словом и делом.

Аяз был очень требовательным в общении с человеком, у него был взгляд на жизнь. Он многое повидал на своём веку, можно сказать, знал всю подноготную жизни. А я, как всякий молодой автор, был полон иллюзий – не видел никаких преград на пути реализации своих творческих замыслов. Поэтому порой он приземлял меня, говорил: «Жизнь не так проста, как ты думаешь».

– Он рассказывал вам о годах своего заключения?

– Аяз не любил говорить на эту тему. Видимо, опасался, что его слова могут быть неправильно истолкованы окружающими. Тогда любая критика советской системы была чревата непредсказуемыми последствиями. Он очень любил семью, писательский труд и не мог всем этим рисковать. К слову сказать, я знал многих людей, прошедших через лагерь, но все они старались не вспоминать об этом периоде своей жизни. Хасан Туфан, к примеру, отбыл 16-летний срок, но, не смотря на мои настойчивые расспросы, ничего определённого по этому поводу так и не сказал.

Уже на закате жизни, в 90-е годы, Аяз Гилязов описал подробности своего заключения в романе-воспоминании «Давайте помолимся!».

– Аяз Мирсаидович испытывал трудности с постановкой своих пьес?

– К сожалению, его драматургия не всегда благоприятно воспринималась официальной критикой. К примеру, долгие годы не разрешалась к постановке драма «Три аршина земли», написанная по мотивам одноимённой повести. В ней рассказывается о судьбе крестьянина-единоличника Мирвали, потерявшего в годы коллективизации многое из того, что составляло смысл его жизни: землю, деревенский уклад жизни, возможность вести собственное хозяйство. В конце концов он возвращается в родной аул, как оказалось, для того, чтобы похоронить в трёх аршинах земли свою несчастную жену.

Помню, в Москве проходил семинар драматургов народов СССР. На него съехались авторы со всех национальных республик – чеченцы, азербайджанцы, узбеки... Среди участников были и мы с Аязом. Я привёз пьесу «Конюкрады», он – «Три аршина земли». Пьесы получили массу положительных отзывов, с нами сразу заключили договоры на постановку. Радостные мы возвращаемся в Казань, рассчитываем получить авансы, и... что называется, остаёмся с носом! Потом узнал, что из

обкома республики позвонили в Москву и потребовали аннулировать уже подписанные документы. В Министерстве культуры сказали, что с местными обкомами они не ссорятся. Спрашивается, что не понравилось чиновникам?! Меня и Аяза упрекали в том, что в то время, когда всем Советским Союзом строится «КамАЗ», БАМ,.. мы пишем о кулаках и конокрадах, очерняем образ республики. Совершенно глупая формулировка, но такова была реальность тех лет.

«Три аршина земли» Аяза Гилязова на большой сцене поставили уже после «перестройки», и она к тому времени утратила свою актуальность. Но вот повесть, на основе которой и была создана пьеса, без сомнения, войдёт в золотой фонд татарской литературы.

– Верно ли утверждение, что его пьесы плохо воспринимались зрителем?

– Я так не считаю. Конечно, Аяз Гилязов, был в первую очередь прозаиком. Это особенно бросается в глаза, когда смотришь его пьесы. Рассуждения героев играют в них едва ли не большую роль, чем сюжет. Драматургия – совершенно особый жанр литературы, и если у поэтов получается писать хорошие пьесы, то у прозаиков далеко не всегда. Хотя есть и обратные примеры. Возьмите Чехова – прекрасный прозаик и автор пьес, до сих пор с успехом идущих на театральных подмостках мира. Аяз, как человек прошедший большую школу жизни, не писал текстов, рассчитанных на массового зрителя. На первом месте в его пьесах всегда была мысль. По этой причине, неподготовленному зрителю, драматургия Аяза Гилязова могла показаться трудной для восприятия.

Следует сказать, что Аяз Гилязов прекрасно понимал особую роль театра в культурной жизни татарского народа. Для нас это не просто зрелище! В советские годы на театральных подмостках обсуждались многие насущные проблемы прошлого, настоящего и будущего нации, которые нельзя было

открыто высказать в литературе. Аяз пришёл в драматургию, чтобы напрямую общаться с татарским зрителем. Однажды он даже попросил Марсела Салимжанова разрешить ему участвовать в массовке «Голубой шали»: «Хотя бы раз среди артистов поболтаюсь». Любовь к театру Аязу удалось привить и своим сыновьям. По несколько раз он с семьёй посещал все премьеры Камаловского театра. Я считаю, что Аяз Гилязов сделал весомый вклад в развитие татарской драматургии. Как человек, пишущий в этом жанре, могу говорить это с полной уверенностью.

– А как официальная критика относилась к прозаическим произведениям писателя?

– Все его произведения были спорными. Спорными они были не среди литераторов, а среди критиков. Аяза упрекали не в отсутствии мастерства, а в том, что его произведения часто выходили за рамки соцреализма. Помню, особенно тяжёлая для него ситуация сложилась вокруг повести «В пятницу вечером», опубликованной где-то в конце 70-х годов.

Центральным в повести является образ старушки Бибинур, на закате жизни влюбившейся в молодого председателя колхоза. «Этого не может быть! Как это так – старуха влюбилась в молодого мужчину!» – кричали критики. На мой взгляд, данный сюжет не является главным в повести. Аяз Гилязов хотел донести до сознания татарского читателя совершенно другое. Судьба Бибинур весьма типична для советской деревни. Оставшись в годы войны без мужа, она смогла поднять на ноги троих детей, которые даже не были ей родными. Дети уехали в город, достигли определённого положения в обществе, обзавелись семьями и... забыли свою мать! Одинокая, она уже готовилась встретить свою смерть, когда вдруг увидела Джихангира – нового председателя колхоза. Бибинур полюбила его, должно быть, как сына. Внимания молодого мужчины оказалось достаточно, чтобы она снова вернулась к жизни.

Однако счастье старушки оказалось недолгим. Джихангир умирает в расцвете лет от инфаркта. Из жалости к Бибинур односельчане обращаются к её детям через газету. Со дня на день в деревню должен приехать корреспондент из Казани с тем, чтобы взять у одинокой женщины интервью. Для Бибинур это равносильно величайшему стыду – она не хочет жаловаться на своих детей, насильно принуждать их быть с ней. Чтобы убедить журналиста в своём благополучии, Бибинур отправляется поздно вечером к родителям Джихангира за медным самоваром, новыми занавесками... К несчастью, её планам не суждено сбыться. В пути Бибинур погибает при трагических обстоятельствах. Мне кажется, непутёвые дети всё-таки приедут к своей матери... на её похороны. Спрашивается, в чём главная мысль повести?! – Ответ прост: не забывайте близких, пока они живы! Помните о своих корнях! Только с наступлением «перестройки» Аяз Гилязов получил возможность писать более свободно.

Вот ещё что хочется сказать в связи с нашей сегодняшней темой разговора. Писатель должен всегда будоражить своей мыслью читателей. Если произведение проходит незамеченным, или в его адрес звучит одна похвала – автору не стоит верить. Настоящий художник не ищет лёгких решений – он спорит с жизнью. Если он этого не делает, если он только констатирует факты, то по прошествии лет его забудут. Аязу Гилязову такая печальная участь не грозит. Он навеки останется в культурной памяти татарского народа, как по-настоящему большой писатель.

– Кем являлся Аяз Гилязов по своим политическим убеждениям?

– Он ненавидел существующую власть. Не страну, не Россию, а именно советский строй. Система искалечила его судьбу, как он после этого мог к ней относиться?! Но, конечно, ярко выраженным диссидентом он не стал. Аяз был осторожен, всё-таки прошёл лагерь. Когда говорили о страданиях узников

Освенцима, Майданека, Дахау... Аяз отвечал: «Вы не знаете, что творилось в системе ГУЛАГа. Беспрецедентная по своим масштабам машина убийства работала против собственного народа. Это даже хуже, чем фашизм».

– С момента основания кафедры татарского языка и литературы Казанского университета действовал творческий кружок, на который приглашались известные писатели...

– В работе кружка принимали участие студенты, многие из которых впоследствии стали прекрасными поэтами. Им нравилось творчество Аяза Гилязова, его бескомпромиссность, и они естественно его приглашали. Я тоже несколько раз бывал на заседании кружка. Что за заседание без Хасана Туфана, Сибгата Хакима, Аяза Гилязова?! На встречу со студентами приходили писатели, чьи имена и сегодня составляют гордость татарской литературы.

К сожалению, в своём творчестве он не всегда имел возможности открыто выражать свою гражданскую позицию – у него была семья, которая могла пострадать от его чрезмерной откровенности. Однако в кругу единомышленников, он не стеснялся выражений и порой довольно резко критиковал систему. В этой связи Аяз как-то необычно относился к Хасану Туфану. Он недоумевал, как человек, 16 лет отдавший лагерям, может равнодушно смотреть на то, что происходит вокруг. На мой взгляд, Хасан Туфан просто дал слово: не говорить ничего плохого о тех людях, по чьей вине он отбывал срок. Произошедшее с ним он считал ошибкой партии. В этом заключалась разница их взглядов: Хасан Туфан говорил об ошибке, а Аяз Гилязов подчёркивал преднамеренность действий партийного руководства. Аяз рассматривал массовые репрессии 1930–1940-х годов как способ властвования над людьми, одно из проявлений тирании партноменклатуры и лично Сталина.

– Проблемы национального развития поднимались на заседаниях кружка?

– Это было исключено. В то время любая критика национальной политики государства была опасна. На встречах с молодыми ребятами писатели говорили о татарской литературе: о её прошлом, настоящем и будущем. Всех нас – и студентов, и уже состоявшихся авторов – волновали перспективы развития национальной словесности. Каким путём пойдёт татарский писатель? Займёт ли он достойное место в современной советской литературе или под гнётом коммунистической идеологии потеряет своё лицо? Подобные разговоры сами по себе были смелым поступком. Нас могли запросто обвинить в пропаганде национализма.

Я считаю, благодаря нашим занятиям, выросло новое поколение татарской интеллигенции, обеспокоенной текущим состоянием национального языка и литературы. Кружковцами были такие в будущем известные поэты, как Равиль Файзуллин, Радиф Гаташ, Нурмухаммет Хисамов, Гарай Рахим и многие другие.

– Аяз Мирсаидович принимал активное участие в работе таких журналов, как «Казан утлары», «Чаян», «Азат хатын». Расскажите, каким он был журналистом?

– Аяз Гилязов был в первую очередь публицистом, чем просто журналистом. Как человек беспокойный, он много занимался публицистикой. Несомненный интерес представляет огромное эпистолярное наследие Аяза. Ему нравилось писать письма. Письма были длинными, как целые рассказы, и больше походили на монологи. При этом Аяз особо не интересовало мнение адресата, главное, это было желание высказаться в форме письма. Некоторые его друзья даже обижались: «Написал письмо не потому, что соскучился по мне, просто ему нужно было излить душу».

Аяз Гилязов временами был резким, противоречивым человеком, особенно в оценке творчества своих коллег по писательскому цеху. Он мог сначала похвалить, а потом словесно уничтожить. Аяз был человеком настроения.

– **Значительную часть произведений писателя составляет так называемая «деревенская проза».**

– Я не считаю Аяза «деревенщиком». Как человек, чьё детство и юность прошли в деревне, он прекрасно знал татарское крестьянство, старался по мере возможности рассказать о его жизни в своих произведениях. Однако в первую очередь Аяза Гилязова волновала проблематика человеческих чувств. Он писал о татарской деревне по той простой причине, что прекрасно знал психологию её жителей. Его не особо интересовало материальное, социальное положение татарского крестьянства. Это было для него не главное, главное – характер. Аяз умел необыкновенно точно обрисовать характер.

Я тоже в основном пишу о людях деревни, потому что плохо знаю город. Живу в городе, но городского человека не понимаю. Не всегда могу найти общий язык со своими внуками, родившимися и выросшими в Казани. Меня привлекает в деревне красота природы, деревенские люди – открытые, искренние. Я не берусь рассказывать читателю о том, чего сам не знаю. Этим же руководствовался и Аяз. Он, к примеру, никогда не писал о руководителях – просто не представлял себе, какие они в действительности. Как всякий настоящий художник слова, он мог писать лишь о том, что сам хорошо прочувствовал. Я помню, нас почти заставляли писать о КамАЗе. Многие литераторы не могли этого делать, потому что понятия не имели, что собой представляет рабочий, автозавод, стройка... В этом смысле Аяз Гилязов остался верен себе, не поддавался сиюминутным веяниям идеологии.

– **Он был религиозным человеком?**

– На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Существуют религия веры и религия исполнения обрядов. Это совершенно разные понятия. Я, например, считаю себя верующим – в душе у меня есть вера, хотя я и не всегда соблюдаю религиозные обряды. По своим

взглядам я, конечно, ближе к исламу, у меня такое воспитание, однако я не отрицаю другие религии. Я верю в то, что существует высший дух, наполняющий гармонией окружающий нас мир. Без веры человек вообще жить не может. С этой точки зрения, Аяз тоже был верующим человеком, хотя я не припоминаю, чтобы он посещал мечеть, исполнял намаз.

– **Юношеские годы писателя прошли в кряшенской деревне Верхний Багряж...**

– Совершенно верно. Он вырос в преимущественно кряшенской среде, прекрасно знал обычаи, и особенности жизненного уклада этой части татарского народа. Крещёные татары, на мой взгляд, имеют много общего с угро-финнами. Так же, как марийцы, удмурты, мордва, кряшены сравнительно легко приняли христианство. Я испытываю огромную симпатию к угро-финским народам. Они довольно поздно вышли на историческую арену, поэтому их прошлое не омрачено кровопролитными войнами, которые, к примеру, вели мы – татары, русские. Спокойные, рассудительные, они ближе язычеству, природе, хотя и исповедуют православную веру. Аяз с большим пиететом относился к кряшенам, в особенности, к своим односельчанам.

– **В 1970 году в рукописи появился политический памфлет Салиха Баттала «Я отрекаюсь», в которой был жёстко поставлен национальный вопрос...**

– Я хорошо знал Салиха Баттала. Он действительно очень обострённо относился к национальной политике партии, на что имел полное основание. Национальный вопрос в Советском Союзе был поставлен в уродливой форме, подтверждения тому Салих-ага приводит в своём памфлете. К примеру, он пишет, что из 1800 периодических изданий страны, только 300 выходили на языках национальных меньшинств. Вступительный экзамен по русскому языку фактически закрывал доступ к получению высшего образования вы-

ходцам из татарских деревень. Мало кто осмеливался даже говорить вслух о том, о чём Салих Баттал открыто писал.

– Аяз Гилязов поддерживал дружеские отношения с Салихом Батталом?

– Аяз был знаком с большинством татарских писателей, в том числе и с Салихом Батталом. Они здоровались при встрече, но о дружбе между ними говорить не приходится. Всё-таки между ними имелась существенная разница в возрасте – 23 года. Кроме того, у них было диаметрально противоположное отношение к коммунистической идеологии. Салих-ага, несмотря на жёсткую позицию по национальному вопросу, оставался убеждённым коммунистом. Он безоговорочно верил в торжество ленинских идей. В свою очередь Аяз Гилязов, как я уже говорил, ненавидел советскую власть и считал её идеологию ложью. Они оба были очень сильными личностями – такие люди редко умирают друг с другом. В общении они стараются навязать своё мнение собеседнику, однако, вопреки

известной поговорке, истина в споре не рождается. Тем не менее, основные положения памфлета, о котором вы упомянули, Аяз разделял. Многие поддерживали точку зрения Салиха Баттала, и я в том числе.

– Сын Аяза Гилязова Мансур стал драматургом. Насколько я знаю, свои пьесы он пишет на русском языке.

– Я, конечно, не перестаю удивляться тому, что Мансур пишет на русском языке. Наверное, ему так просто легче выразить свои мысли в современной действительности, когда и русская литература не обходится без заимствований из других языков. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что он учился в русской школе. Сам Аяз воспитывал своих детей в любви к татарской культуре, языку, традициям. На мой взгляд, пьесы Мансура, хотя и написаны на русском, по своему содержанию имеют глубокие национальные корни. Ему удалось сохранить в своём творчестве лучшие традиции татарской драматургии, продолжателем которых был его отец.

Рабит Батулла:

«Он был настырным парнем»

– Рабит Мухлисович, я знаю, что вы с Аязом Гилязовым земляки...

– В какой-то мере – да. Родился он в Сармановском районе, а вырос в нашем, Заинском, в селе Верхний Багряж. К тому же он со школьной скамьи дружил с моим дядей Исхаком Батуллиным. И я по рассказам дяди знал, что есть такой писатель Аяз Гилязов из наших краёв. Потом он на долгое время исчез из моего поля зрения, и наши пути снова пересеклись в Доме писателей: я – начинающий автор, а он не так давно освобожден из мест, не столь отдалённых. Как литератор Аяз Гилязов уже тогда пользовался большой популярностью. Он видел во мне племянника сво-

его друга и всегда был открыт для общения со мной.

– В 1963 году увидела свет повесть Аяза Мирсаидовича «Три аршина земли»...

– Это скандальное произведение. Наши издатели не хотели её печатать, наверное, по указанию свыше. Однако повесть была переведена на русский язык и опубликована в журнале «Дружба народов». Она получила широкий отклик у читателей. Так сложилось, что «Три аршина земли» увидел свет не на родном языке, а на русском. Впоследствии по мотивам своей повести Аяз написал одноимённую пьесу. Обком партии категорически был против её

постановки! Мензелинский театр начал её репетировать – сняли с постановки! Решили в Камаловском театре репетировать – опять сняли! Та же участь постигла «Конокрадов» Туфана Миннуллина.

Тогда идеологией руководили Мурзагит Валеев и Мударис Мусин – оба «махровые» партийные функционеры. Они малейшей критики в адрес системы не допускали – ни на сцене, ни в литературе. На мой взгляд, наиболее продвинутым из наших тогдашних идеологов был Мусин. Его не провести было, он в оригинале читал все вещи, на издание которых давал добро. Валеев, напротив, не отличался начитанностью, но, тем не менее, неоднократно ставил палки в колёса нашей творческой интеллигенции. По этому поводу с ним время от времени случались курьёзные ситуации. Однажды Валеев вызывает Марселья Салимжанова: «С какой стати вы ставите «Конокрадов» Аяза Гилязова и «Три аршина земли» Туфана Миннуллина?» Мало кто осмеливался перечить главному идеологу республики, даже если тот ошибался. Тем не менее, Марсель Хакимович с присущей ему вежливостью всё же указал собеседнику на неточность его замечания: «Извините, вы перепутали имена авторов и их произведения. «Три аршина земли» – это Аяз Гилязов, а «Конокрады» – Туфан Миннуллин...». «Всё равно отмените эти постановки», – отрезал секретарь обкома партии. Мне кажется, такие люди, как Валеев, Мусин, Кадырметов... заслуживают самой искренней жалости. По долгу службы они порой вынуждены были идти против своей совести, ставить крест на судьбе того или иного произведения, за что, наверное, не раз достаивались слов осуждения в свой адрес.

– Герои писателя имели своих прототипов в реальной жизни?

– Не берусь судить обо всех его произведениях, но главный герой повести «При свете зарниц» Исхак – мой дядя Исхак Батуллин. Он действительно получил агрономическое образова-

ние, вернулся в родной колхоз и поначалу зарекомендовал себя самым лучшим образом. А потом правительство выпустило постановление, согласно которому зарплату агрономам стали выплачивать не реальными деньгами, а трудоднями. До реформы дядя получал за свой труд 800 рублей в месяц – огромные по тем временам деньги, после неё – «палочки» на бумаге. На один трудодень давали около 200 грамм зерна – жалкий мизер, которого крепкому мужику едва хватало на пропитание. Спрашивается, зачем он 5 лет учился в Казани, чтобы после этого жить впроголодь?! Дядя посчитал такое положение дел для себя невыгодным и уехал в Пермь – зарабатывать себе на жизнь ремеслом плотника. Вскоре после отставки Хрущёва прежнюю систему оплаты труда агрономов восстановили, однако дважды в одну реку не войдёшь. Исхак Батуллин так и остался жить в Перми. Будучи большим книголюбом, он прочитал «При свете зарниц» и был от произведения своего школьного друга, мягко говоря, не в восторге. В повести дядя показан неудачником – он изменил своей профессии, своему призванию.

– Аяз Гилязов поддерживал дружеские отношения со многими татарскими писателями...

– Да, практически со всеми. В его ближайший круг общения входили такие писатели, как Шаукат Галиев, Ильдар Юзеев, Гариф Ахунов, Шариф Хусаинов, Туфан Миннуллин... Каждое из этих имён и сегодня является гордостью татарской словесности. Мы, мальчишки, даже не смели мечтать об этой компании. Чтобы пробиться к ним, нужно было написать что-то по-настоящему талантливое. Аяз легко ладил со всеми. Его не чурались и те, кто был вхож во властные структуры республики, мало того, они даже побаивались его острого языка. В чём секрет подобной популярности, не берусь судить.

Мударис Мусин, о котором я уже упомянул, недолюбливал Аяза Гилязова, неоднократно критиковал его с три-

буны. «На каких основаниях вы ставите пьесу Гилязова?», – обращался Мусин в адрес директора Мензелинского театра Анатолия Богатырёва. Те, в чьих руках находилась власть, не упускали случая напомнить Аязу Гилязову о его лагерном прошлом. Тем не менее, он был настырным парнем. Как трава взламывает асфальт, так и Аяз пробивал дорогу в литературе себе и своим произведениям.

– Будучи драматургом и актёром в одном лице, как вы оцениваете его сотрудничество с театром?

– Пьеса «Три аршина земли», в конце концов была поставлена в Актанышском театре. Самодеятельный коллектив сумел на профессиональном уровне представить публике драматургию Аяза Гилязова. Другие его пьесы с переменным успехом шли на сценических площадках Казани. Настоящим долгожителем стала драма «Осенние ветры». Её постановка долгие годы заставляла зрителей сопереживать судьбам героев, вновь и вновь приходить на спектакль.

Аяз Гилязов написал множество талантливых пьес, но мне всё-таки кажется, что ему не удалось до конца освоить этот жанр. Он сильный прозаик, автор пронзительных по своему психологизму повестей, но драматургия подчиняется особым законам. Она ориентирована на общение со зрителем, поэтому реплики героев должны быть максимально приближенными к разговорной речи. Аяз Гилязов, казалось, не обращал на это внимание – в его пьесах мы встречаем пространные монологи, довольно трудные для восприятия со сцены.

– В 1950–1960-е годы Аяз Гилязов был одним из самых плодовитых татарских драматургов. Что можете сказать о профессиональном уровне национального театра в то время?

– В профессиональном отношении татарское сценическое искусство всегда находилось на высочайшем уровне. Разумеется, у истоков национального театра стояли самодеятельные

актёры. В труппу «Сайяр», организованную в 1906 году Ильясом Кудашевым-Ашказарским, входили самородки, перед которыми бледнели многие профессионалы. 1 января 1923 года открыл свои двери Татарский театральный техникум, в котором преподавал Шакир Шамильский, учились Галия Булатова, Гай Тагиров, Хаким Салимжанов – отец прославленного режиссёра. Техникуму, а потом и театральное училище уже 70 лет как обеспечивают подготовку актёрских кадров. Правда, в студийном порядке было подготовлено всего четыре выпуска. Студия при Щепкинском училище в Москве, в которой вместе со мной учились Наиль Дунаев, Нажиба Ихсанова, Ринат Тазетдинов,.. вторая по счёту. Эти актёры существенно обогатили татарское сценическое искусство в переломный для его развития период. После нас была ещё студия в Ленинграде, в Институте театра, музыки и кино. На данный момент несколько человек из этого выпуска с успехом выступают на татарской сцене. В их числе – Инсаф Фахрутдинов в Челнинском театре, Ильдус Ахметзянов и Габделфарт Шарафиев – в Камаловском. Повторюсь, на протяжении всей своей истории татарский театр мало чем уступал лучшим коллективам Москвы и Петербурга.

Образование образованием, но главное в актёре всё-таки обаяние. Современники не переставали восхищаться игрой великого трагика Мухтара Мутина, непревзойдённого, по крайней мере, на татарской сцене, исполнителя роли Отелло. На сцену выходил статный мужчина с грудным бархатным голосом и бешеным темпераментом. Сейчас, к сожалению, среди актёров трудно найти настоящий баритон. В современном театре сильные мужские голоса нынче, видимо, стали редкостью. Удивительное дело, некоторые артисты играют острохарактерные роли на высоких нотах, почти что фальцетом.

– У драматурга возникали разногласия с режиссёрами по поводу того, как нужно ставить его пьесы?

– Информацией на этот счёт я не располагаю. Могу лишь сказать, что сама природа современного театрального искусства предполагает конфликт мнений: драматурга и режиссёра, режиссёра и артистов. Сегодня над артистами довлеет деспотизм режиссёра. Раньше существовал театр актёра, в котором постановщик пьесы был маленьким человеком. Отсутствовала личность, способная придать должное звучание скрытому подтексту драматургии! Георгий Товстоногов, Николай Охлопков, Владимир Андреев из того поколения режиссёров, которые стали искать драматургию с подтекстом и создавать свой спектакль на основе пьесы. До них театральные постановки носили иллюстративный характер: драматург писал текст, актёр учил и проговаривал его в спектакле. Но как донести до зрителя мысль автора?! Здесь режиссёр-постановщик уподобляется дирижёру оркестра. Произведения Моцарта или Чайковского в исполнении оркестра звучат по-разному, в зависимости от таланта дирижёра. То же самое происходит и в театре. Порой весьма посредственное произведение в ранке талантливого режиссёра начинает играть всеми красками бриллианта.

На мой взгляд, драматургия Аяза Гилязова содержит в себе ещё не до конца раскрытый гигантский сценический потенциал. Ему не удалось найти своего режиссёра. Туфан Миннуллин приобрёл невиданную любовь татарского зрителя во многом благодаря тому, что на его творческом пути оказался режиссёр-единомышленник Марсель Салимжанов. С Хаем Вахитом очень плодотворно сотрудничал Празат Исанбет. Аязу же в этом отношении не повезло. С ним работали многие талантливые режиссёры, в их числе Равиль Тумашев, Рафкат Бикчантаев, Марсель Салимжанов, однако они не были его единомышленниками, не смогли до конца понять и передать на сцене творческий замысел писателя.

– Писатель застал переломные в истории страны 1980–1990-е годы. Как он оценивал перспективы разви-

тия национального театра в тех непростых условиях?

– О перспективах, к сожалению, и сейчас говорить трудно. Везде по России театральное искусство переживает трудные времена, пытается выжить в условиях рынка. Наша республика не является исключением. Прежде всего, актёры мало получают за свою работу, поэтому мужчины не идут на сцену. Работая преподавателем актёрского мастерства в театральном училище, я как-то пошёл в Ветеринарный институт. Там учатся красивые парни! У них поставлен голос, они замечательно играют на курае, баяне, знакомы с национальным искусством танца. Настоящие герои-любовники ходят по коридорам Ветеринарного института! Я пригласил их к себе на курс. «Рабит-абый, а сколько мы будем получать после окончания учёбы?» – спросили ребята. – «120 рублей» – ответил я им. Ха-ха, за 120 рублей такие парни станут целый день торчать на сцене! Работая фельдшером, они, может, будут получать больше, чем главный режиссёр. Пока не решится финансовый вопрос, театр обречён на постепенное угасание.

Для Аяза Гилязова время, о котором вы упомянули в творческом плане стало необыкновенно плодотворными. Он наконец-то получил возможность донести до читателя то, о чём в предыдущие десятилетия вынужден был молчать. Именно тогда вышли в свет его самые пронзительные романы – «Давайте помолимся!» и «В чьих руках топор?». На камаловской сцене вниманию зрителей в постановке Марселя Салимжанова была представлена, казалось бы, уже похороненная драма «Три аршина земли». Если мне не изменяет память, премьера спектакля состоялась в самый разгар «перестройки» в 1987 году. Вместе с тем, Аяз Гилязов не мог не видеть, как театр покидают молодые талантливые актёры. Покидают отнюдь не из-за разногласий с главным режиссёром, а просто потому, что им мало платят. В беседах со мной он иногда спрашивал о том, как обстоят дела в театральном училище. Что я ему мог на это ответить?!

Профессия актёра для нынешнего поколения молодёжи больше не таит в себе ореола романтичности, как это было, к примеру, в моё время. Не случайно на вступительные экзамены в училище приходится, как правило, не более четырёх юношей: один картавый, другой дистрофик, третьего забирают в армию сразу после поступления, лишь один достойный каким-то образом остаётся. В таких условиях сценическое искусство невозможно развивать. Театр должен получать нормальные дотации от государства, как это было раньше. Рыночной экономике театр, к сожалению, не нужен: как хочешь, так и зарабатывай! Аналогичная ситуация сложилась и в литературе. Всё это мэтра татарской литературы крайне тревожило.

– Вместе с тем в наши дни театр получил долгожданную свободу эксперимента. Режиссёр вправе реализовывать на сцене то или иное своё решение, не оглядываясь на цензоров...

– На мой взгляд, Аяз Гилязов и сам не чуждался эксперимента. Лучшим тому подтверждением служит уже упоминавшаяся драма «Три аршина земли». Более сложную для постановки пьесу трудно представить. Представьте себе такой сюжет. Уставший от жизни мужчина везёт гроб с телом покойной супруги в родовое село, чтобы похоронить её в земле предков. В пути он припоминает перипетии своей непростой судьбы, искалеченной в ходе реализации политики сплошной коллективизации... Разворачивающееся на глазах у зрителей театральное действие не что иное, как плод размышлений и воспоминаний главного героя. В повести разноголосица времён позволила создать динамичный и вместе с тем внутренне не противоречивый сюжет, в полной мере раскрывающий катастрофические социально-психологические последствия «великого перелома», а вот на сцене... Марселю Салимжанову пришлось продемонстрировать всю силу своего режиссёрского гения для того, чтобы у сидящих в зале не возникло

вопросов к содержанию постановки. Всё-таки жанры повести и пьесы – это не совсем одно и то же.

– Творчество Аяза Гилязова неотделимо от исторических судеб народа...

– Не только Гилязова! Проблема исторической памяти народа в советское время поднималась многими представителями татарской творческой интеллигенции. В конце концов, всё зависело от личности писателя. Творчество некоторых, с позволения сказать, литераторов, по сути, иллюстрировало резолюции партийных съездов. Их произведения выходили многотысячными тиражами, за них выплачивались хорошие деньги, так как они не противоречили системе. Сегодня такие книги никому не нужны, они пылятся на книжных полках библиотек и рано или поздно становятся макулатурой. Но были авторы, в первую очередь, конечно, поэты, не продавшие душу дьяволу. Лишённые возможности открыто выражать свои мысли, они прибежали к иносказанию. Их поэзия чем-то напоминает японские хокку. Скрытый подтекст мы находим и в творчестве наших выдающихся прозаиков. К слову сказать, повести Аяза Гилязова «Три аршина земли» и, если мне не изменяет память, «В пятницу вечером» изначально имели совсем другую концовку. Он отошёл от первоначального замысла, чтобы не конфликтовать с цензорами. Перед современными литературоведами стоит непростая задача – понять, что на самом деле хотел сказать тот или иной автор, создавая свои произведения в условиях существования тотальной цензуры. Были такие вещи, Главлит их пропускал, потому что он не был образован должным образом. Для этого нужно поднимать домашние архивы татарских писателей, беседовать с теми, кто близко знал их при жизни. В этой связи хочется верить, что наша сегодняшняя беседа не останется втуне, а будет способствовать пробуждению интереса к творчеству большого татарского писателя, каким, без сомнения, являлся Аяз Гилязов.

Искандер Гилязов:

«Отец был человеком ищущим»

– В биографической справке сказано, что Аяз Гилязов родился в семье учителей. Родители вашего отца имели отношение к системе духовного образования?

– Из рассказов деда я знаю, что несколько поколений моих предков были представителями духовенства. Мой прадед, Сахабутдин, был имам-хатибом Сармановской соборной мечети. В журнале Оренбургского мусульманского собрания за 1906 год помещена небольшая заметка о назначении Сахабутдина имам-хатибом 4-й соборной мечети села Сарманы. Я горжусь тем, что об одном из моих предков есть такая информация в дореволюционном издании. Когда в конце 1920-х годов начались гонения на религию, он был арестован, и его следы затерялись в Елабужской тюрьме. Я до сих пор не знаю, как у него сложилась судьба. Отец тоже пытался выяснить, но безуспешно. Сгинул, так сказать.

Мой дед, Мирсаид, отец Аяза, не являлся человеком духовного звания. Он родился в 1900 году, и его молодость пришлось на годы революции и гражданской войны. Насколько я знаю, он учился в педагогическом училище, после окончания которого всю жизнь работал учителем сельской школы. Причём, у него такая ситуация в жизни была. Помня о печальной судьбе Сахабутдина, дед решил покинуть родной Сармановский район. Из деревни Чукарлы, в которой и родился Аяз Гилязов, семья деда переселилась в современный Заинский район, в деревню Верхний Багряж. А это кряшенская деревня, он там как бы хотел затеряться, избежать преследований со стороны властей. В школе этой деревни дед преподавал математику и географию. Естественно, как сельский учитель, он вёл разные предметы.

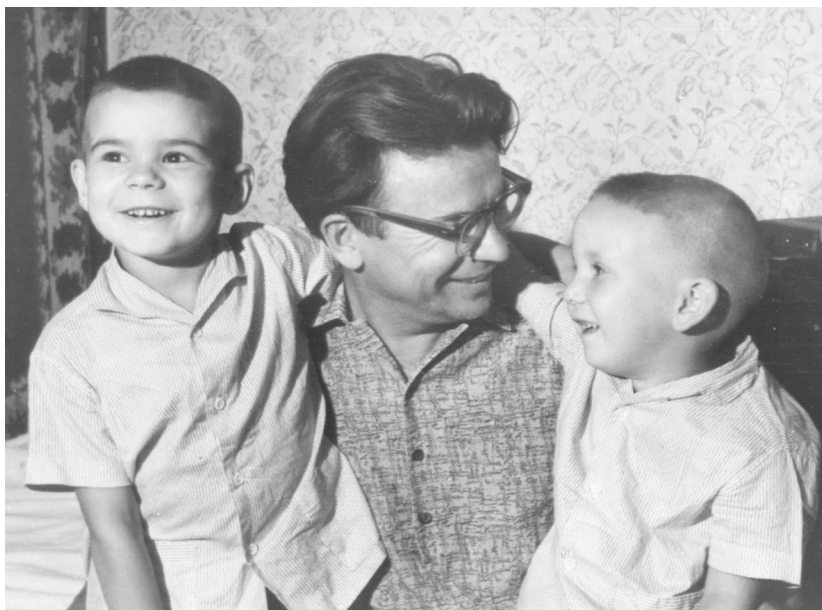
Тогда же исчезла наша письменная

родословная. По татарским законам она передаётся младшему сыну. Мой дед был младшим сыном, соответственно, родословная была у него. Судя по всему, он её попросту уничтожил, опасаясь нежелательных для себя последствий. О трудностях, с которыми наша семья столкнулась во времена гонений на религию, Аяз Гилязов впоследствии постарался рассказать на страницах некоторых своих произведений, разумеется, в образной форме. В 1963 году отцом была написана повесть «Три аршина земли». В ней рассказывается о судьбе зажиточного крестьянина Мирвали. После начала коллективизации, он, чтобы не вступать в колхоз, попросту уничтожил своё имущество и ушёл с женой в город, в совершенно чуждый для него мир. В какой-то степени этот сюжет перекликается с вышеописанными фактами из биографии моего деда.

Таким образом, мой отец вырос и получил образование среди кряшен. Верхний Багряж был чисто кряшенской деревней, в которой татары-мусульмане были, наверное, только среди учителей. Не случайно, у него до конца жизни сохранилось уважительное, и даже трепетное, отношение к кряшенам, к их традициям и обрядам. Аяз Гилязов много писал об этой группе татарского населения в своих воспоминаниях и некоторых литературных произведениях. Это целая группа татарского народа со своим особым видением мира и уникальной культурой.

– Как ваш отец относился к религии?

– Мой отец проявлял большой интерес к истории нашей семьи, а она, как я уже сказал, имела самое непосредственное отношение к религии. Это обстоятельство подталкивало его к изучению духовной жизни татарского народа, основ мусульманского вероучения. Естественно, как человеку, полу-

С сыновьями – Искандером и Мансуром

чившему светское образование, ему не всё было понятно в исламе. Ответы на возникающие вопросы он старался найти не только в Коране, но и в других священных текстах, в частности, в Библии. Тем не менее, Аяза Гилязова нельзя считать религиозным человеком в полном смысле. На мой взгляд, в душе отец, безусловно, верил в Бога, однако внешне это никак не проявлялось.

– Одна из центральных тем творчества Аяза Гилязова – тема войны. Какое место война занимает в истории вашей семьи?

– Собственно, война большой роли в истории семьи не сыграла. Потому что мой дед и по состоянию здоровья, и по статусу школьного учителя не был призван на действительную воинскую службу. В июне 1941 года ему было уже за сорок, видимо, свою роль сыграл и возраст. В годы Великой Отечественной войны дед работал на оборонном заводе в Ижевске, а после её окончания вернулся к преподавательской деятельности. Естественно, война имеет отношение ко всем людям, которые жили в то время. Для моего отца это в первую

очередь была жизнь тыла. Формирование его взгляда на мир происходило как раз в это время. Поэтому тема войны занимает огромное место в произведениях Аяза Гилязова, вернее даже тема жизни тыла. Яркий тому пример – повесть «Любовь и ненависть». В ней показаны жизнь подростков, их мироощущение в условиях военного времени.

Значительное место в творчестве отца занимает повседневная жизнь татарского крестьянства в первое послевоенное десятилетие. Под видом критики последствий культа личности, ему иногда удавалось донести до сознания читателей правду о жизни простых тружеников в эти годы. Показательной в этом отношении является повесть «Весенние караваны». Рассказ в ней ведётся от имени юноши Ибрагима, которому ещё нет и двадцати лет. На его глазах разворачивается очевидная бессмыслица. Осенью жителей деревни заставляют сдавать государству чуть ли не весь собранный урожай с тем, чтобы с наступлением тепла им приходилось везти посевной материал из соседнего райцентра. Отощавшие за го-

лодную зиму лошади идти не могут – роль тягловой силы берут на себя женщины, старики, подростки! На салазках люди тащут драгоценное зерно к себе в колхоз. В пути они видят новенький трактор, утопленный в снегу, жителей окрестных сёл, также тянущих лямку нужды... Весенние караваны жизни для одной из женщин оборачиваются смертью. Острокритичная, пронзительная вещь! Серией удачных образов отцу удалось показать всю абсурдность, бюрократизм, антигуманность сталинской системы хозяйствования, работающей не на нужды людей, а на выполнение очередных плановых показателей.

– Что предопределило поступление вашего отца на отделение татарского языка и литературы Казанского университета в 1945 году?

– Надо сказать, мой отец недолго учился в университете. О моменте поступления он рассказывал мало, так же, как и о годах своего заключения. Выбор факультета был для него не случайным. Он очень рано почувствовал интерес к творчеству. Свою роль сыграла и существовавшая в семье культура чтения.

Бабушка у нас была начитанной женщиной. Её отец, Сулейман, вообще был неординарной личностью. В деревне ему дали прозвище «немец», и на это имелись основания. Он, например, знал несколько иностранных языков, хотя никогда не выезжал из деревни. У него в доме имелась богатая библиотека, во дворе был разбит сад, в котором выращивались арбузы и дыни. С огласитесь, это довольно редкое явление для татарской деревни! Прадед наизусть знал Коран. То есть этот человек выделялся на фоне односельчан, был белой вороной. Видимо, это перешло к его дочери, и моя бабушка была тоже очень начитанной. Она училась сначала в деревне, а потом в Мензелинском медресе. Аяз Гилязов вспоминал, что когда они росли, у них была замечательная традиция. В семье было четверо сыновей, мой отец был вторым по возрасту. И бабушка часто по вече-

рам читала детям различные произведения – татарскую литературу, русскую классику, западных авторов в переводе. Отец мне рассказывал, как они с огромным удовольствием слушали приключенческие романы Жюль Верна. Видимо, и сам он тогда же пристрастился к чтению и испортил зрение. У него всю жизнь были проблемы с глазами, из-за чего он носил очки с большими диоптриями.

Насчёт университета повторюсь, сюда его привели любовь к языку и интерес к творчеству. Отец поступил на отделение татарского языка и литературы, но вскоре бросил. Он вернулся в Заинский район, где непродолжительное время работал в местном райкоме комсомола, потом странствовал, чуть ли не до Астрахани дошёл босиком. После этого опять вернулся в университет.

– Ваш отец принимал участие в работе литературного объединения, функционировавшего тогда на отделении татарской филологии?

– Разумеется! Отец уже в те годы был полон творческих замыслов, идей, и ему хотелось поделиться ими с людьми, так же, как и он, влюблёнными в литературу. Кружок, с момента основания отделения функционировавший на кафедре татарского языка и литературы, предоставил ему такую возможность. Кроме того, он ещё активно участвовал в деятельности агитационной бригады факультета. По крайней мере, сохранились фотографии, на которых он изображён вместе с другими агитаторами из числа студентов историко-филологического факультета КГУ. Во время зимних каникул они на подручном транспорте, а иногда и просто на лыжах, разъезжали по деревням Рыбно-Слободского, Арского и других районов, устраивали в них концерты и литературные вечера. Данное мероприятие было призвано на практике доказать заботу партии о повышении культурного уровня сельского населения. С крестьянами проводили и беседы на политические темы, но, насколько я знаю, отец в них не участвовал.

На заседаниях литературного кружка студенты обычно читали друг другу свои творения, обменивались мнениями по поводу тех или иных литературных новинок. Разговоры, которые велись на заседаниях кружка, как раз и послужили основанием для ареста моего отца. Обстоятельства судебного разбирательства, а вернее сказать, разыгранного в суде фарса, детально описаны в статье профессора Альтера Литвина «Письмо к другу». Она опубликована в переводе на татарский язык в одном из номеров журнала «Казан утлары» за 2006 год.

Кружки и группы по интересам в основном формировались вокруг бывших фронтовиков. Они имели богатый жизненный опыт, знали, как на самом деле живут люди на Западе, и у них возникало разочарование в «завоеваниях социализма». Там был некий Кузнецов. Кто он такой и как сложилась его дальнейшая судьба, мне выяснить не удалось. Большое влияние на отца оказал Гурий Тавлин, писатель-фронтвик. Он был его односельчанином, из кряшен. В кулуарных беседах и на заседаниях кружка студенты обсуждали вопросы политической жизни страны, творчества, литературного процесса.

– В повести «При свете зарниц» даётся довольно нелюбимый образ работы литературного кружка. Главный герой удивлён выступлением поэта, стихи которого противоречат реальному положению дел в деревне...

– Наверное, так было и на самом деле. Туда ведь каждый приходил со своими целями: одни с желанием высказаться, а кто-то для того, чтобы подслушать и затем настучать в соответствующие инстанции. Как раз, когда отец был студентом, в университетской газете «Ленинец» печатались материалы о деятельности этого кружка. В одном из её номеров была помещена статья и об Аязе Гилязове. Его упрекали в увлечении формализмом, в некоторых неосторожных высказываниях. Спрашивается, откуда такая информирован-

ность. Когда началось следствие, моему отцу предъявили обвинение в «антисоветской деятельности и пропаганде». Если верить материалам судебного процесса, члены кружка обсуждали коллективизацию, критиковали политику советской власти в деревне, ставя в пример США и другие капиталистические страны. К делу были привлечены участники всей группы. Их перекрёстно допрашивали, подводили к тому, чтобы они дали показания друг против друга. На допросе возникла путаная ситуация.

– Факт ареста отца как-то отразился на положении семьи?

– Разумеется, это была огромная трагедия для семьи. Находясь в заключении, отец не переставал писать письма своим родителям. Многие из них моя мама Накия Игламовна опубликовала в газете «Татарстан яшьләре». Из них видно, что последствия ареста сильно отразились на родственниках. К примеру, старшего брата отца по этой причине не приняли в партию, и он не смог стать завучем. Азат-абый, ныне уже покойный, честно говоря, обижался на это.

– Каким было отношение Аяза Гилязова к советской власти после заключения?

– Понимаете, он был трезво мыслящим человеком. Он понимал, что советская власть сильна, и даже не предполагал, что она в конце концов так быстро рухнет. Хотя отец был уверен, что это всё равно произойдёт – государство, имеющее неправильную идеологию, рано или поздно должно быть обречено на гибель. Однако я не могу сказать, что Аяз отец был диссидентом. Всё-таки он был главой семейства, имел большой жизненный опыт, поэтому он никогда своего неприятия советской власти публично не выражал. Его отношение к системе было всегда объективно-негативным. Он прекрасно понимал её лицемерие. Ещё раз отмечу, он не был диссидентом, его скорее можно назвать осторожным антикоммунистом. Поэтому он никогда не стремился к

вступлению в партию, не занимал никаких значимых государственных и общественных постов.

– **В своих произведениях Аяз Гилязов наряду с осторожной критикой коллективизации отстаивал позицию бедного человека, выигравшего от этой политики.**

– Это тоже понятно. Он не мог в пух и в прах критиковать советскую власть, будучи официальным писателем. Если бы отец написал что-либо сугубо критическое, его просто бы не опубликовали, а у него семья, дети. Здесь нужно исходить из реалий времени и конкретной жизненной ситуации. В то же время отец не упускал возможности донести до читателя своё истинное отношение к тому, что творилось в нашей истории. Многие положительные герои Аяза Гилязова имеют подпорченную, с точки зрения властей, биографию. Возьмите Хабибрахмана-абзья из «Любви и ненависти». В прошлом он был председателем колхоза и лишился этой должности только потому, что выступил против закрытия деревенской мечети. От того, что он ушёл, выиграли, однако далеко не настоящие труженики, а краснобаи и воры. Обратите внимание на Забира Рахматуллина из повести «Люблю тебя, моя нежная...». Его семью не любили односельчане за жестокие хулиганства, игнорирование правил колхозной жизни... Так пишет отец, но ведь вполне возможно, что прототипом героя, мог стать и просто кулацкий сын. Тем не менее, именно он погибает смертью храбрых на фронте, в то время как муж его возлюбленной Рамзии, антипод Забира, умирает, как это и положено дезертиру, в волчьей яме. А разве не вызывает сочувствия у читателей фигура Мирвали из «Трёх аршин земли»?! А ведь он бывший крестьянин-единоличник, поджигатель колхозного имущества... Другими словами, отец в своих произведениях проводил мысль о том, что социальное происхождение не главное в человеке. Негодяем может стать любой, всё зависит от воспитания, которое он получил в семье.

– **Что вы можете рассказать о сотрудничестве вашего отца с татарским театром?**

– В первую очередь Аяз Гилязов, конечно, был прозаиком. Но у него есть более двух десятков пьес. Надо сказать, отец пришёл в драматургию руководствуясь, в том числе и материальными соображениями. Пьеса ставится – за неё дают хороший гонорар. Ряд спектаклей по его текстам шли с громадным успехом – «Холодные осенние ветры», «Тайна, преданная земле», «Сумерки». Некоторые из постановок я отлично помню. Например, мне очень нравился спектакль «Тайна, преданная земле», о судьбе учителя и его учеников. Учитель в ней показан настоящим мыслителем. Ещё я любил пьесу «Сумерки», рассказывающую о не совсем обычных людях. В пьесах отца на первый план всегда ставится личность. В 1970–1980-е годы отец очень активно сотрудничал с Альметьевским театром. Он писал не только трагические вещи, но и комедии.

– **1960–1970-е годы считаются временем расцвета советской татарской драматургии. Можно ли сказать, что Аяз Гилязов был одним из авторов татарского театрального ренессанса?**

– Я считаю отца одним из создателей новой татарской драматургии. В указанный вами период он был одним из самых продуктивных авторов. Тогда же шли пьесы Хая Вахита, пользовавшегося огромной популярностью у зрителей. Автором замечательных пьес был друг отца Шариф Хусаинов. Вместе они составляли поколение драматургов, родившихся на рубеже 1920–1930-х годов. С конца 1960-х годов началась эпоха Туфана Миннуллина.

Драматургия Аяза Гилязова носит философский характер, она не рассчитана на массового зрителя. Отец всегда стремился включать в пьесу больше размышлений, поэтому спектакли на основе его текстов казались несколько тяжеловесными. Зачастую происходило следующее. На театральную премьеру, как правило, приходят завсегда и те-

атра, интеллектуально-требовательная публика. Они воспринимали замысел автора положительно. На последующие постановки шёл совсем другой зритель, посещающий театр от случая к случаю. Его реакция на спектакли отца была уже гораздо более сдержанной. Моё личное мнение: пьесы Аяза Гилязова надо читать, потому что он всё-таки прозаик. Он сам себя считал прозаиком. Вот Туфан Миннуллин чистый драматург – у него выверенный текст, люди в его пьесах постоянно находятся во взаимодействии друг с другом. С помощью диалогов он передаёт свои мысли, сложные, порой конфликтные, отношения между участниками театрального действия.

Более или менее удачно с драматургией отца работал режиссёр Равиль Тумашев в Тинчуринском, тогда ещё Республиканском передвижном театре. Его ставил также Гали Хусаинов в Альметьевском театре. Вроде бы получалось, зритель с удовольствием ходил на спектакли, но я всё-таки считаю, что у отца не было своего режиссёра, которого можно было бы считать единомышленником.

– Ваш отец учился на Высших литературных курсах в Москве. Вам известно с кем он там поддерживал дружеские отношения?

– Затрудняюсь ответить на этот вопрос. Когда он учился на курсах, я был ещё совсем ребёнком. Наверняка, он общался с другими начинающими авторами, которые вместе с ним посещали занятия, жили в общежитии.

У отца была такая традиция – каждый год, весной и осенью, уезжать в Дом творчества. Обычно это были Переделкино или Малеевка в Подмосковье, иногда Дубулты в Латвии. Многие его произведения написаны именно там, вдали от житейских хлопот и неурядиц. Я часто приезжал туда в гости к отцу, видел за одним с ним столом Арсения Тарковского, Григория Горина, Василия Белова... Он поддерживал с ними приятельские отношения, но о по-настоящему крепкой дружбе между ними говорить не приходится.

– Творчество каких авторов Аяз Гилязов больше всего ценил?

– Вообще, отец очень много читал. В этом отношении он был феномен. Многие современные писатели кроме себя никого не читают. Наша семья выписывала массу журналов: «Новый мир», «Октябрь», «Иностранную литературу», все татарские журналы. Отец читал не только литературные произведения, но и книги по географии, истории, биологии... У него была феноменальная память, и он прекрасно помнил всё прочитанное. Видимо поэтому мышление отца отличалось неординарностью.

В кабинете отца была полка с произведениями любимых писателей. На ней до сих пор стоят книги Хемингуэя, Сент-Экзюпери, Селинджера, Фолкнера, Генрика Ибсена. Из русских писателей Аяз Гилязов часто читал Тургенева, Достоевского, Есенина. Уважительно относился к Солженицыну, любит Чехова и Горького. В татарской литературе он любил обращаться за вдохновением к творчеству наших великих классиков Фатиха Амирхана и Габдуллы Тукая. Из современных национальных авторов отцу больше других были по душе книги Амирхана Еники и Мухаммета Магдеева. В известной степени это были его единомышленники.

– Аяз Гилязов относил себя к представителям деревенской прозы?

– Его можно назвать «деревенщиком». Но у Аяза Гилязова была ведь не только деревенская проза. К примеру, у отца есть замечательная повесть «Посередине», рассказывающая о жизни театральной интеллигенции, взаимоотношениях режиссёра и драматурга. Он с почтением относился к таким русским писателям, как Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Василий Белов, считал, что они делают большое дело – рассказывают современному человеку, в большинстве своём горожанину, о реальном положении дел в деревне. С Василием Беловым он, кстати, как я уже говорил, встречался и много беседовал. Я помню, как они говорили о нацио-

нальных проблемах с ним. Отец отметил, что русским писателям нужно всячески поддерживать национальное многообразие отечественной литературы. Какой интерес, если в литературе останутся только авторы, пишущие на русском языке?! Василий Белов, насколько я понял, идею отца воспринял положительно.

– **В какой степени произведения Аяза Гилязова можно считать автобиографичными?**

– Во многих произведениях Аяза Гилязова присутствует его деревня. Названия улиц, речушек, переулков, клички и имена людей взяты из его детских воспоминаний. Большинство симпатичных героев отображают мировоззрение отца, его представления о том, каким должен быть человек. Повесть «В пятницу вечером» тому пример. В ней есть образ старушки Бибинур. У Аяза Гилязова есть такая фраза, которую часто приводят критики, «Бибинур – это я». Хотя это женщина, чья литературная жизнь никак не совпадает с его биографией. Но, тем не менее, отец считал, что в образе этой старушки он отобразил своё отношение к людям, к жизни, деревне.

– **Какое своё произведение Аяз Гилязов считал наиболее удачным?**

– Ответить на этот вопрос однозначно нельзя. Если писатель пишет искренне, если он, что называется, имеет искру Божью, то любое его произведение для конкретной эпохи ценно. Особенно тепло отец относился к «Трём аршинам земли», к сюжету которой он обращался и как прозаик, и как драматург. Он также любил «В пятницу вечером», и, наконец, свои последние произведения: «В чьих руках топор» и «Давайте помолимся!». Это автобиографические вещи, своего рода завещание потомкам. В них отец даёт оценку пройденному жизненному пути.

– **Какие произведения больше всего выделяла критика?**

– Я не могу похвастаться хорошим знанием критики своего отца. Моё сугубо личное мнение – Аяз Гилязов не

имел критика, который мог бы по-настоящему и до конца его понять. У нас уровень оценки писательского творчества всегда был достаточно низким. К сожалению, он и до сих пор таким остаётся. Литературная критика не должна заключаться в пересказе содержания произведения. Она не должна ругать автора за какие-то конкретные упущения: он не так описал событие, эта ситуация неправдоподобна. Критик должен понять цель и основную мысль автора и на основании этого добавить что-то своё. Естественно, для этого он сам должен быть творческой личностью. А у нас Аяза Гилязова ругали за что?! «Ты защищаешь кулака! Таких старушек не бывает». К примеру, в повести «В пятницу вечером» показан образ женщины, всю жизнь посвятившей семье и в конце концов влюбившейся в молодого человека. И все говорили: «Не может этого быть! Чтобы старуха влюбилась в молодого мужа?!» А почему не может быть, если у человека чистая душа?! А у нас вся критика сводилась именно к этому: «Так не бывает!». В целом очень разумно об Аязе Гилязове писал Рустем Кутуй. В сборнике «При свете зарниц» приводится его замечательная статья. Мне кажется, очень неплохо отца оценивал Диас Валеев, у него были публикации по этому поводу.

– **Ваш брат, Мансур Гилязов, также стал писателем...**

– Да, это действительно так. Как я уже сказал, отец считал себя в первую очередь прозаиком. Мансур Гилязов, напротив, пришёл в литературу как драматург. Причём, он изначально формировал свои знания и способности в этом направлении. Его пьесы с точки зрения композиции, особенностей построения драматургического произведения более совершенны. Отец с большим интересом воспринимал творчество брата. Конечно, они много общались по этому поводу, отец давал ему практические советы: как лучше подойти к раскрытию того или иного сюжета, выразительным ли выглядит образ главного героя...

Одно время среди некоторых недоброжелателей даже велись разговоры, что якобы Аяз Гилязов для своего сына пишет пьесы. Но если вы знакомы с творчеством Мансура, вы поймёте, что подобные суждения не имеют под собой никакой почвы. Пьесы брата пользуются громадным успехом у зрителя во многом потому, что он разговаривает с ним на одном языке. Они о нашей действительности, в них радуются и страдают люди, ничем не отличающиеся от тех, что учатся и работают рядом с нами. Аяз Гилязов, напротив, искал неординарного героя, что называется, не похожего на соседа с лестничной площадки.

– Отец оказал влияние на ваш выбор профессии?

– Я старался прислушиваться к мнению отца, даже когда внутренне был с ним в чём-то не согласен. Решение посвятить себя изучению истории пришло ко мне не сразу. После окончания шко-

лы я, как, наверное, любой человек в этом возрасте, оказался на перепутье. Что выбрать, филологию или историю? Отец поддержал моё увлечение историей. Интерес к прошлому у Аяза Гилязова всегда был огромный, поэтому он внимательно следил за тем, чем я занимаюсь. Последние 10–15 лет мне приходится часто бывать в Германии, работать по темам, которые раньше находились под запретом. Собранные в немецких архивах материалы, в частности, легли в основу монографии «Легион Идель-Урал» об истории коллаборационистского движения народов Поволжья и Приуралья в годы Великой Отечественной войны. Отец поддерживал мои изыскания, считал, что я делаю важную работу по восстановлению исторической справедливости. Его признание стало для меня важным стимулом для продолжения исследовательской деятельности в выбранном направлении.

